

ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ

ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ

ДНИ В БИРМЕ

Москва
2022

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
0-70

George Orwell
BURMESE DAYS

Перевод с английского *Дмитрия Шепелева*
Литературный редактор *Влад Чарный*
Художественное оформление серии «Белая птица»
Луизы Бакировой

Иллюстрация в марке серии:
© lelevien / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Иллюстрация в переплете серии «Pocket Book»
Анастасии Марулиной

Оруэлл, Джордж.

О-70 Дни в Бирме / Джордж Оруэлл ; [перевод с английского Д. Шепелева]. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с.

ISBN 978-5-04-160047-1 (Pocket book)

ISBN 978-5-04-161955-8 (Белая птица)

Честный и выразительный первый роман Оруэлла, опубликованный в 1934 году, вызвал горячие споры из-за изображения колониального общества, нескоренимой коррупции и имперского фанатизма.

Группа англичан, членов европейского клуба, едина в своем чувстве превосходства над бирманцами, но каждый из них предельно одинок и обильно заглушает тоску по родине чрезмерным употреблением виски. Джон Флори, лесоторговец, придерживается иных взглядов: он считает, что бирманцы и их культура самобытны и должны цениться как прекрасные и достойные вещи. Флори дополнительно подрывает веру в британское всемогущество своей дружбой с доктором Верасвами, потенциальным кандидатом на вступление в европейский клуб. А Верасвами, в свою очередь, находится под пристальным вниманием беспринципного местного судьи Ю По Кына, ради власти готового на многое...

Внутренний конфликт Флори осложняется внезапным прибытием в Бирму молодой англичанки Элизабет. Найдет ли он в себе силы поглотить по совести и быть счастливым с женщиной, которую любит?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-160047-1
(Pocket book)
ISBN 978-5-04-161955-8
(Белая птица)

© Шепелев Д.Л., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*В глубине лесов,
Под сению деревьев меланхоличных¹*

Уильям Шекспир.
Как вам это понравится

¹ Пер. с англ. П. И. Вейнберга. (*Здесь и далее прим. пер.*)

Ю По Къин, окружной судья Чаутады, в Верхней Бирме¹, сидел у себя на веранде. Было только полдевятого, но воздух, по-апрельски душный, уже грозил долгим дневным зноем. Редкие вздохи ветерка, относительно прохладного, покачивали недавно политые орхидеи, свисавшие с карниза. Сквозь орхидеи виднелся пыльный изогнутый ствол пальмы, а за ним — сияющее ультрамариновое небо. В самом зените, так высоко, что больно было смотреть, кружили, раскинув крылья, стервятники.

Ю По Къин не мигая, точно керамический истукан, янтарно-карими глазами смотрел на палящее солнце. Непокрытая голова его была бритой, крупное лицо — желтым и почти гладким. Он разменял шестой десяток и до того растолстел, что уже несколько лет не вставал с кресла без посторонней помощи, однако был статен и даже красив в своей тучности; бирманцы не оплывают с годами, как белые,

¹ В 1920-е годы — время действия романа — Верхняя Бирма представляла собой глухую провинцию Британской Индии.

но равномерно наливаются, словно спелые фрукты. Одежда Ю По Кьина представляла собой типичную у бирманцев араканскую лонджи¹ в зелено-фиолетовую клетку, из-под которой выглядывали его босые пухлые ступни с высоким подъемом и одинаковыми пальцами. Он жевал бетель из лакированной шка-тулки на столе и думал о прожитой жизни.

Жизнь его сложилась блестяще. В самом раннем своем воспоминании, из восьмидесятых годов, Ю По Кьин, тогда еще голый карапуз, стоял и смотрел, как победным маршем входят в Мандалай британские солдаты. Он помнил, какой ужас испытывал, глядя на эти колонны здоровенных красномундирных и красномордых пожирателей коров с длинными винтовками за плечами, утрамбовывавших землю сапогами. Недолго поглазев на них, он дал стрелкача. Своим детским умом он понял, что его соплеменники не чета этому племени великанов. И тогда же зародилось в нем честолюбивое стремление примкнуть к британцам, присосаться к ним пиявкой и сражаться на их стороне.

В семнадцать лет он попытался устроиться на госслужбу, но потерпел неудачу, поскольку был беден и не имел друзей, и следующие три года проработал в вонючих закоулках мандалайских базаров, ведя счета торговцев рисом и подворовывая. Но в двадцать лет ему улыбнулась удача — он шантажом добыл четыреста рупий, смог переехать в Рангун и купить

¹ Домашняя одежда бирманцев в виде юбки, которую мужчины запахивают спереди, а женщины — слева.

себе место клерка на госслужбе. Должность была перспективная, хотя платили мало. В то время чиновничьи круги получали надежный доход, расхищая правительственные склады, и По Къин (тогда он был просто По Къином — почтительное Ю добавится к его имени позже) естественным путем примкнул к ним. Впрочем, он был слишком честолюбив, чтобы всю жизнь провести в клерках, промышляя такой мелочовкой. Однажды ему стало известно, что правительство, испытывая нехватку в рядовых чиновниках, намеревается набрать их из клерков. Об этом должны были объявить только через неделю, но По Къин умел выведать нужные сведения загодя. Он не упустил свой шанс и сдал всех подельников, пока они не подняли тревогу. Большинство из них попали в тюрьму, а По Къина, в награду за честность, назначили помощником квартального инспектора. С тех пор карьера его неуклонно шла в гору. Теперь, в свои пятьдесят шесть, он был судьей округа и рассчитывал на дальнейшее повышение, пожалуй, вплоть до заместителя комиссара, что сделает его равным с англичанами и даже повыше некоторых.

Его судейский метод был прост. Ни за какие коврижки не соглашался он вынести незаконное решение, понимая, что продажный судья рано или поздно попадетсЯ. Он предпочитал брать взятки с обеих сторон, что было гораздо надежней, и решать дело исключительно на законных основаниях. Этим он заслужил репутацию беспристрастного судьи. Помимо взяток с клиентов, Ю По Къин собирал регулярную дань, своего рода частный налог, со всех под-

ведомственных деревень. Если та или иная деревня артачилась, Ю По Кьин прибегал к карательным мерам — то к ним вторгалась шайка бандитов, то старейшины оказывались не в ладах с законом, то еще что-нибудь, — и вскоре недостача возмещалась. Кроме того, он имел долю со всех крупных грабежей в его районе. Все это по большей части было, разумеется, известно едва ли не каждому, кроме официального начальства Ю По Кьина (британское начальство никогда бы не поверило, что его подчиненный нечист на руку), но попытки разоблачить его неизменно проваливались — его подкупленных сторонников было не счесть. Всякий раз, как его обвиняли, Ю По Кьин просто-напросто дискредитировал обвинителей через подставных свидетелей, после чего выдвигал встречные обвинения, тем самым укрепляя свое положение. Он был практически неуязвим, не только благодаря тонкому чутью в судебных делах, оберегавшему его от ошибок, но и в силу особой склонности к интригам, не дававшей ему пасть жертвой небрежности или невежества. Можно было сказать с полной определенностью, что его никогда не выведут на чистую воду, и успех будет сопутствовать ему до самой смерти, с пышными похоронами и наследством в сотни тысяч рупий.

И даже на том свете его ждало процветание. Согласно буддийской вере, творившие при жизни зло после смерти перевоплощаются в крысу, жабу или еще какое пресмыкающееся. Ю По Кьин, как добропорядочный буддист, намеревался избежать этой на-

пасти. Преклонные годы он посвятит делам праведным, которые в итоге перевесят все прочее. Вероятнее всего, его праведность проявится в строительстве пагод. Четыре, пять, шесть, семь пагод — сколько скажут ламы — с каменной резьбой, золочеными куполами и колокольчиками, звенящими на ветру, воздавая хвалу небесам. И он вернется на землю в человечесьем облике — причем мужчиной, ибо женщина недалеко ушла от крыс и жаб — или, еще лучше, величественным зверем вроде слона.

Все эти мысли пронеслись в уме Ю По Кьина чередой картинок. При всей его хитрости, мозг у него был варварским и работал только в практическом направлении; чистое созерцание было ему недоступно. Вот и теперь его мыслительная деятельность достигла своего предела. Положив упитанные куляпки на подлокотники, он чуть повернулся и позвал визгливым голосом:

— Ба Тайк! Эй, Ба Тайк!

Из-за бисерной шторы, отделявшей веранду, показался слуга Ю По Кьина, Ба Тайк, рябой человек весьма жалкого вида. Он был осужден за воровство, и Ю По Кьин ничего ему не платил, поскольку одним своим словом мог упечь бедолагу в тюрьму. Ба Тайк, несмело приближаясь, так низко кланялся, что казалось, он пятится.

— Наисвятейший? — сказал он.

— Есть кто-нибудь ко мне, Ба Тайк?

Ба Тайк стал называть посетителей, разгибая пальцы:

— Там, ваша честь, староста Титпингьи принес подарки и двое деревенских с побоями, которых ваша честь будет судить, тоже принесли подарки. Ко¹ Ба Сейн, старший клерк из комиссариата, желает вас видеть, потом констебль Али Шах и бандит один, не знаю, как звать. Наверно, не поделили золотые браслеты, те, что украли. А еще деревенская девчонка с младенцем.

— А ей чего? — сказал Ю По Кьин.

— Говорит, младенец ваш, наисвятейший.

— А-а. Сколько староста принес?

Насколько был в курсе Ба Тайк, всего десять рупий и корзину манго.

— Скажи старосте, — велел Ю По Кьин, — чтобы завтра же принес двадцать рупий, а не то ему и всей его деревне несдобровать. Других сейчас приму. Проси Ко Ба Сейна.

Ба Сейн не заставил себя ждать. Стройный и узкоплечий, он был на редкость высоким для бирманца, а необычайно гладкое лицо его отличалось цветом кофе бланманже. Ю По Кьин считал его полезным винтиком. Приземленный и исполнительный, он был превосходным клерком, и мистер Макгрегор, заместитель комиссара, почти ничего не скрывал от него. Ю По Кьин, пребывая в добром расположении духа после ревизии своих успехов, приветствовал Ба Сейна смешком и взмахом руки в сторону ларчика с бетелем.

— Ну, Ко Ба Сейн, как продвигается наше дело? Надеюсь, как сказал бы уважаемый мистер Макгре-

¹ Приставка «Ко» означает уважение.

гор, — тут Ю По Кьин перешел на английский, — *опуэделенный пвогуэсс налицо?*

Ба Сейн не улыбнулся этой остроте. Присев в кресло, прямой, как жердь, он ответил:

— Отлично, сэр. Наш экземпляр прибыл этим утром. Извольте взглянуть.

Он вынул двуязычную газету под названием «Бирманский патриот». Это было восьмиполосное издание, отпечатанное на скверной бумаге и сляпанное из новостей, надерганных в основном из столичной «Рангунской газеты» и сдобренных пафосной националистской риторикой. На последней полосе печать смазалась, так что разобрать ничего было нельзя, словно газета отмечала траур по самой себе. Статья, интересовавшая Ю По Кьина, отличалась особым шрифтом. Она гласила:

В эти счастливые времена, когда нас, бедную черноту, ведет за собой могучая западная цивилизация с ее многообразными благами, такими как синематограф, пулеметы, сифилис и т. д., какой предмет может внушать большее воодушевление, нежели частная жизнь наших европейских благодетелей? Посему мы считаем, что нашим читателям будет интересно услышать кое-что о событиях в захолустной Чаутаде. А именно о мистере Макгрегоре, досточтимом заместителе комиссара названной области.

Мистер Макгрегор являет собой типичный пример Истинно Ингалеякского Джентльмена, коих в эти счастливые дни мы можем наблюдать во множестве. Он «человек семейный», как говорят доро-

гие наши собратья-англичане. Очень даже человек семейный мистер Макгрегор. До того семейный, что за год жизни в Чаутаде нажил троих детей, а на прошлом месте службы, в Шуэзмь, произвел шестерых отпрысков. Надо думать, лишь по недосмотру мистера Макгрегора они остались без средств к существованию, а их матерям грозит голодная смерть и т. д. и т. п.

Подобный материал занимал целый столбец и при всей своей гнусности был самым приличным в газете. Ю По Къин внимательно прочитал статью, держа газету на вытянутой руке — он страдал дальноркостью — и щерясь от усердия, обнажая ровные мелкие зубы, кроваво-красные от бетеля.

— Издатель сядет за это в тюрьму на полгода, — сказал он наконец.

— Он не против. Говорит, только в тюрьме и можно спастись от кредиторов.

— Стало быть, ваш юный стажер, клерк Хла Пе, сам написал эту статью? Очень умный мальчик — весьма многообещающий! Никогда больше не говорите, что от правительственных школ нет толка. Хла Пе определенно сделает карьеру.

— Так вы считаете, сэр, этой статьи будет достаточно?

Ю По Къин ответил не сразу. Для начала он натужно запыхтел, пытаясь встать с кресла. Ба Тайк был тут как тут. Он возник из-за бисерной шторы, и вдвоем с Ба Сейном они подхватили Ю По Къина под мышки и подняли на ноги. Ю По Къин постоял,

распределяя вес пуза, словно грузчик, который принаравливается к корзине рыбы. И отослал Ба Тайка взмахом руки.

— Недостаточно, — сказал он, отвечая на вопрос Ба Сейна, — никак недостаточно. Предстоит еще потрудиться. Но начало хорошее. Слушайте.

Он подошел к перилам и выплюнул алый комок бетеля, а затем стал мерить веранду шажками, заложив руки за спину. Двигался он чуть вразвалку, переваливая необъятные бедра, и говорил на жаргоне госслужащих — причудливой смеси бирманских глаголов и английских оборотов:

— Давайте заново пройдемся по нашему делу. Мы намерены нанести совместный удар по доктору Верасвами, уполномоченному хирургу и тюремному суперинтенданту. Намерены очернить его, уничтожить его репутацию и в итоге разделаться с ним раз и навсегда. Это будет весьма тонкая операция.

— Да, сэр.

— Риска не будет, но действовать надо медленно. Мы замахнулись не на жалкого клерка или констебля. Мы замахнулись на высокого чиновника, а высокий чиновник, пусть даже он индеец, это вам не клерк. С клерком как? Легко: обвинение, пара дюжин свидетелей, увольнение и тюрьма. Но здесь так не годится. Тихо-тихо, тихой сапой. Без скандала и главное без официального вмешательства. Не должно быть никаких обвинений, на которые можно ответить, однако в течение трех месяцев я должен устроить так, чтобы каждый европеец в Чаутаде счи-

тал доктора негодяем. Что же ему вменить? Взятка не годится, доктор взяток не берет. Что еще?

— Мы, пожалуй, могли бы устроить бунт в тюрьме, — сказал Ба Сейн. — Отвечать будет доктор, он же суперинтендант.

— Нет, слишком опасно. Надзиратели станут палить из ружей без разбору — не хочу. Опять же, лишние расходы. Что ж, стало быть, остается его обесчестить — национализм, пропаганда мятежа. Мы должны убедить европейцев, что доктор придерживается мятежных, антибританских взглядов. Это будет пострашнее взятки; туземный взяточник для них — дело обычное. Но заставь их усомниться хоть на миг в его верности — и с ним покончено.

— Доказать такое будет трудно, — возразил Ба Сейн. — Доктор очень лоялен к европейцам. Он сердится, если кто скажет против них. Они должны это знать, не думаете?

— Чушь, чушь, — спокойно сказал Ю По Къин. — Европейцам не нужны доказательства. Если у кого черное лицо, подозрение и есть доказательство. Несколько подложных писем — и порядок. Это лишь вопрос упорства: обвинять, обвинять и обвинять — вот как надо с европейцами. Одна анонимка за другой, каждому европейцу. А потом, когда хорошенько подогреем их подозрительность, — Ю По Къин вытащил короткую руку из-за спины и, щелкнув пальцами, добавил: — Начнем с этой статьи в «Бирманском патриоте». Европейцы будут в бешенстве, когда прочтут это. Ну, а вслед за тем нужно будет убедить их, что статью написал доктор.

— Это будет трудно, он ведь дружит с европейцами. Все они ходят к нему, когда заболеют. Он вылечил мистера Макгрегора от флатуленции в эту холодную пору. Кажется, они его считают очень хорошим доктором.

— Как мало вы знаете европейский разум, Ко Ба Сейн! Если европейцы ходят к Верасвами, то лишь потому, что он единственный доктор в Чаутаде. Никакой европеец не доверяет черномазым. Нет, с подложными письмами нужно лишь набраться терпения. Скоро я устрою так, что у него не останется друзей.

— Есть такой мистер Порли, лесоторговец, — сказал Ба Сейн, имея в виду мистера Флори. — Он близкий друг доктора. Всякий раз, как бывает в Чаутаде, каждое утро заходит к нему домой. Два раза даже приглашал его на ужин.

— Что ж, на этот раз вы правы. Если Флори дружит с доктором, нам это может помешать. Индийцу не навредишь, когда у него друг-европеец. Это дает ему — они обожают это слово — престиж. Но Флори довольно быстро охладает к другу, как начнутся неприятности. Эти люди не питают лояльности к туземцу. К тому же мне известно, что Флори — трус. Я с ним разберусь. А за вами, Ко Ба Сейн, остается слежка за Макгрегором. Не писал ли он недавно комиссару — в смысле, по личному делу?

— Писал два дня назад, но, когда мы вскрыли письмо, не нашли там ничего важного.

— Ну что ж, мы дадим ему тему для писем. А едва он начнет подозревать доктора, придет время для

другого дела, о котором мы говорили. И тогда мы — как там говорит Макгрегор? Ах, да: убьем двух зайцев одним выстрелом. Целую стаю зайцев — ха-ха!

Смех Ю По Кьина представлял собой мерзкое бульканье, поднимавшееся из самого брюха, наподобие кашля; и все же смеялся он заразительно, как ребенок. Больше он ни слова не сказал о «другом деле», слишком секретном, чтобы обсуждать его на веранде. Ба Сейн, видя, что беседа подошла к концу, встал и отвесил поклон, точно складной метр.

— Не желает ваша честь еще чего-нибудь? — сказал он.

— Убедитесь, чтобы Макгрегор получил экземпляр «Бирманского патриота». А Хла Пе лучше скажите, чтобы он побыл дома с приступом дизентерии. Мне он понадобится для написания анонимок. Пока все.

— Я могу идти, сэръ?

— Идите с богом, — несколько отвлеченно сказал Ю По Кьин и тут же громко позвал Ба Тайка.

Он ни минуты не тратил попусту. С другими посетителями он разделался довольно быстро, а деревенскую девчонку отослал не солоно хлебавши — посмотрел ей в лицо и сказал, что знать не знает. Пора было завтракать. В животе проснулся жестокий голод, нападавший на него каждое утро ровно в это время. Он нетерпеливо крикнул:

— Ба Тайк! Эй, Ба Тайк! Кин Кин! Мой завтрак! Поскорей, умираю с голода.

На столе в гостиной, за шторой, уже стояло большое блюдо с рисом и дюжина тарелок с карри, суше-

ными креветками и ломтями зеленого манго. Ю По Къин проковылял к столу, уселся со стоном и набросился на еду. Позади стояла, прислуживая, его жена, Ма Кин. Это была худощавая смуглая женщина сорока лет и пяти футов роста, с лицом доброй обезьянки. Ю По Къин сосредоточенно жевал, не замечая ее. Придвинув миску к самому носу, он проворно закидывал в рот еду жирными пальцами, часто дыша. Он всегда ел быстро, страстно и обильно; это была не столько еда, как оргия чрева, приправленная карри. Наевшись, он откинулся на спинку, рыгнул раз другой и велел Ма Кин подать ему зеленую бирманскую сигару. Английский табак Ю По Къин никогда не курил, заявляя, что он безвкусен.

Затем Ба Тайк помог ему облачиться в официальный наряд, и Ю По Къин постоял в гостиной перед длинным зеркалом, любясь собой. Гостиная с деревянными стенами и двумя колоннами из тиковых стволов, подпиравшими стропила, была темной и неряшливой, как и все бирманские комнаты, хотя Ю По Къин украсил ее «на ингалейкский манер» лакированным сервантом и стульями, литографиями королевской семьи и огнетушителем. На полу лежали бамбуковые циновки, заляпанные соком лайма и бетеля.

В углу, на коврике, сидела Ма Кин и штопала инджи¹. Ю По Къин медленно повернулся перед зеркалом, пытаясь разглядеть спину. На нем была инджи

¹ Легкая куртка.

из крахмального муслина и парчовая пасо¹ из манда-лайского шелка, с шикарным оранжево-розовым переливом, а на голове гаун-баун² из бледно-розового шелка. Изловчившись, он глянул за спину и увидел, как переливчатая пасо плотно обтягивает его необъятный зад. Он гордился своей тучностью, видя в массе плоти символ величия. Он, когда-то бывший безродным голодранцем, теперь был жирен, богат и внушал страх. Он наливался телами поверженных врагов; эта мысль показалась ему весьма поэтичной.

— Новую пасо достал по дешевке за двадцать две рупии, — сказал он. — Слышь, Кин Кин?

Ма Кин склонила голову над штопкой. Она была женщиной простой, старомодной, и европейские обычаи — в их числе сидение на стуле — были ей чужды еще больше, чем Ю По Кьину. Каждое утро она шла на базар, держа корзину на голове, как деревенская, а по вечерам молилась в саду на белый шпиль пагоды, возносившийся над городом. Уже двадцать с лишним лет ей были известны козни Ю По Кьина.

— Ко По Кьин, — сказала она, — ты много зла наделал в жизни.

Ю По Кьин отмахнулся от нее.

— Подумаешь, важность. Откуплюсь за все пагодами. Времени еще навалом.

Ма Кин снова склонилась над штопкой, выражая в привычной манере неодобрение.

¹ Парадная мужская юбка.

² Парадный мужской головной убор, представляющий собой платок, накрученный на шапочку-основу.

— Но, Ко По Къин, к чему все эти мухлежи и козни? Я слышала ваш с Ко Ба Сейном разговор на веранде. Вы замышляете что-то против доктора Верасвами. Зачем вы хотите зла индийскому доктору? Он добрый человек.

— Что ты в этом смыслишь, женщина? Этот доктор мне поперек дороги. Во-первых, взятки не берет, что никому не нравится. А кроме того... ну, кое-что понять у тебя просто мозгов не хватит.

— Ко По Къин, ты стал богатым и властным, а что хорошего? Бедными мы были счастливей. Как сейчас помню, когда ты был простой надзиратель, и мы купили свой первый дом. Как мы гордились плетеной мебелью и твоей авторучкой с золотым пером! А когда к нам зашел молодой английский полисмен, уселся в лучшее кресло и выпил бутылку пива, за какую честь мы это считали! Счастье не в деньгах. Зачем тебе больше денег?

— Не мели ерунды, женщина! Занимайся штопкой и готовкой, а серьезные дела оставь тем, кто в них смыслит.

— Ну, не знаю. Я твоя жена и всегда тебе повиновалась. А все же о карме всегда надо помнить. Береги свою карму, Ко По Къин! Купил бы, что ли, живой рыбы и выпустил в реку? Это карму очень чистит. А еще утром ламы приходили за рисом и сказали, что у них двое новых в монастыре, голодают. Дал бы им чего-нибудь, Ко По Къин? Я сама ничего не дала, о твоей карме пеклась.

Ю По Къин оторвался от зеркала. Слова жены не оставили его равнодушным. Он никогда не упу-

скал возможности почистить карму, если это ничего ему не стоило. Добрые дела в его понимании были вроде денежного вклада, неуклонно возраставшего. Каждая рыба, выпущенная в реку, каждое подаяние ламе приближали его к нирване. Эта мысль внушила в него уверенность. Он велел, чтобы корзину манго, которую принес деревенский староста, отнесли в монастырь.

Затем он вышел из дома, раскрыл желтый зонтик над головой и пошел по дороге, а за ним Ба Тайк с папкой бумаг. Ю По Кьин шел вразвалку, держа спину ровно, выпятив пузо. Розовая пасо сияла на солнце сахарной глазурью. Он направлялся в суд разбирать текущие дела.

2

Примерно в то же время, когда Ю По Кьин занялся утренним делами, «мистер Порли», лесоторговец и друг доктора Верасвами, направился из дома в клуб.

Флори был жгучим брюнетом с черными усиками, среднего роста и довольно крепкого сложения. Густая шевелюра спадала ему на лоб, а кожа его, от природы землистая, задубела на солнце. Он не растолстел и не облысел, и выглядел не старше своих тридцати пяти лет, однако лицо его, со впалыми щеками и припухшими глазами, имело, несмотря на загар, изможденный вид. Он, очевидно, не брился с утра. Одет он был по-обычному, в белую рубашку, саржевые шорты цвета хаки и чулки, на запястье ви-

сел бамбуковый стек, только вместо топи¹ он носил потертую широкополую шляпу-терай, заломленную набок. За ним семенил черный кокер-спаниель по кличке Фло.

Впрочем, все это не особо отличало его от остальных. Первым, что всем бросалось в глаза, было страшное родимое пятно, протянувшееся кривым серпом по левой щеке, от края глаза до рта. Сизое пятно походило на кровоподтек, отчего возникало впечатление, что Флори как следует отделали. Он прекрасно сознавал это и, едва кого-нибудь завидев, начинал маневрировать, стараясь скрыть левую половину лица.

Дом Флори стоял на краю поля, вблизи джунглей. Сразу за воротами выгоревший, буро-зеленый майдан резко шел под уклон, и по нему были разбросаны полдюжины ослепительно-белых бунгало. Все зыбилось, дрожало в жарком воздухе. На середине склона, рядом с церквущкой, крытой жестью, располагалось английское кладбище, обнесенное белой стеной. А чуть дальше стоял Европейский клуб, и именно он — одноэтажный деревянный барак — являл собой центр города. В любом индийском городе Европейский клуб служил духовной цитаделью, подлинным средоточием британской власти, той нирваной, по которой тщетно томились туземные служащие и толстосумы. В случае Чаутады это было тем более верно, ибо здешний клуб гордился тем, что едва ли не один во всей Бирме не допускал в свои члены ни единого азиата. Позади клуба катила бурные охряные воды

¹ Тропический пробковый шлем.

Иравади, алмазно сверкая на солнце; а за рекой простирались необъятные рисовые поля, ограниченные темной грядой холмов на горизонте.

Туземный город, вместе с судебной-карательной системой, лежал по правую руку, по большей части скрытый рощами фиговых деревьев. Из-за деревьев вздымался золотым копьём шпиль пагоды. Это был вполне типичный город для Верхней Бирмы, почти не претерпевший изменений со времен Марко Поло до 1910 года, и он мог продремать в Средневековье еще век, если бы сюда не дотянулась железная дорога. В 1910 году британское правительство удостоило Чаутаду статуса окружного центра и очага Прогресса, что следовало понимать как совокупность судебного комплекса с целой армией пузатых, однако же вечно голодных служащих больницы, школы и одной из тех вместительных тюрем, которые англичане понастроили повсюду от Гибралтара до Гонконга. Население Чаутады составляло порядка четырех тысяч, среди которых были пара сотен индийцев, несколько десятков китайцев и семеро европейцев. Кроме того, имелись два метиса, мистер Фрэнсис и мистер Сэмюэл, отпрыски двух миссионеров — американского баптиста и римского католика соответственно. Что касается достопримечательностей, их в городе не было, не считая одного индийского факира, который вот уже двадцать лет жил на дереве вблизи базара и каждое утро поднимал на веревке корзину с едой.

Флори зевнул, выходя из ворот. Его мучило похмелье, и на ярком свете у него заныла печень.

«Вот же чертова дыра!» — подумал он, щурясь и смотря вниз с холма.

Он зашагал по раскаленной дороге, хлеща стеклом пожухлую траву, и, поскольку никто, кроме собаки, не мог его услышать, запел на мотив псалма «Свят, свят, свят Ты, Единый, святостью великой»:

— Черт, черт, черт, чертовщиной до краев набитый.

Время близилось к девяти, и солнце с каждой минутой пекло все сильнее. Казалось, жара ритмично лупила по голове огромной подушкой. Флори подошел к воротам клуба, думая, зайти или проследовать дальше и заглянуть к доктору Верасвами. Затем он вспомнил, что сегодня «почтовый день», когда доставляют английские газеты, и пошел в клуб мимо высокой ограды теннисного корта, заросшей выюнком в розовато-лиловых звездах.

Дорожку окаймляли английские цветы — флоксы и шпорники, шток-розы и петунии — еще не спаленные солнцем, разросшиеся до немислимых размеров. Петунии вымахали почти с дерево. От лужайки ничего не осталось — всю ее поглотила могучая местная флора: огненные деревья с раскидистыми кронами кроваво-красных соцветий, плюмерии, облепленные кремовыми цветами, лиловые бугенвиллеи, алые гибискусы и коралловые китайские розы, изжелта-зеленые кротоны и тамаринд с перистой листвой. Такое буйство красок под ярким солнцем резало глаза. В этих цветочных джунглях копошился полуголый малиец с лейкой, напоминая большую птицу, пьющую нектар.

На ступенях клуба стоял, засунув руки в карманы шортов и покачиваясь взад-вперед, русский англичанин с колючими усами, широко расставленными светло-серыми глазами и донельзя тощими икрами. Это был мистер Вестфилд, суперинтендант окружной полиции. Он маялся от скуки и топорщил верхнюю губу, щекоча себе усами нос. При виде Флори он чуть склонил голову набок. Выражался он по-армейски кратко, обрубая все лишнее. То и дело острил, хотя тон его был меланхоличным.

— Здоров, дружище Флори. Чертовски поганое утречко, а?

— Полагаю, другого ждать в эту пору не стоит, — сказал Флори, повернувшись чуть в профиль, чтобы скрыть свое пятно.

— Да уж, епта. Еще пара таких месяцев. Прошлый год до самого июня без дождя. Только глянь на это чертово небо — ни облачка. Это же, епта, синий таз эмалированный. Господи! Вот бы сейчас по Пикадилли, ага?

— Пришли английские газеты?

— Да. Старый добрый «Панч», «Мир спорта» и *Vie Parisienne*¹. Почитаешь, так и рвет на родину, а? Идем, выпьем, пока весь лед не растаял. Старина Лэкерстин, знай себе, заливает за воротник. Уже под мухой.

Они вошли, и Вестфилд мрачно произнес:

— Веди, Макдуф².

¹ Парижская жизнь (*фр.*).

² Реплика из «Макбета» У. Шекспира.

В клубе, обшитом тиковыми досками, пахнувшими битумной пропиткой, было всего четыре комнаты, а именно: сиротливая «читальня» с пятью сотнями заплесневших романов; бильярдная, со старым, замызганным бильярдом, стоявшим большую часть года без дела из-за полчищ летучих жуков, круживших под лампами и сыпавшихся на сукно; карточная комната и, наконец, *салон* с широкой верандой, смотревшей на реку, но сейчас занавешенной зелеными бамбуковыми циновками. Салон с кокосовыми половиками, плетеными стульями и столами, усыпанными глянцевыми журналами, имел безотрадный вид. Из декора на стенах висели несколько «восточных» картинок и пыльных оленьих рогов. Свисавшее с потолка опахало еле колыхалось над столом, гоняя пыль в душном воздухе.

В комнате были трое мужчин. Один, с багровым лицом, сидел, навалившись на стол, и стонал, обхватив голову руками. Это был мистер Лэкерстин, одутловатый здоровяк лет сорока, представитель лесоторговой фирмы. Он крепко выпил прошлым вечером и жестоко за это расплачивался. У доски для объявлений стоял Эллис, представитель еще одной компании, и напряженно вчитывался во что-то. Это был маленький вертлявый человечек с бледным, угловатым лицом и жестким ежиком. В одном из шезлонгов растянулся Максвелл, военный инспектор лесных угодий; он читал газету «Просторы», из-под которой торчали его мосластые ноги и плотные волосатые предплечья.

— Глянь на шального старпера, — сказал Вестфилд и потрепал за плечи мистера Лэкерстина. — В назидание молодежи, а? Боже упаси от этаккой напасти и всякое такое. Мотайте на ус, какими вы будете в сорок.

Мистер Лэкерстин издал стон, в котором можно было разобрать слово «бренди».

— Бедняга, — сказал Вестфилд, — заядлый мученик бухла ради, ага? Глянь, сочится из всех пор. Напоминает старого полковника, который спал без сетки от moskitов. Его слугу спросили, как так, а он им: «Ночью хозяин так пьян, что не чует moskitов, а утром moskitы так пьяны, что не чувят хозяина». Глянь на него — бухал полночи, и еще подавай. А к нему племянница, на выданье, в гости едет, так-то. Нынче вечером будет, верно, Лэкерстин?

— Да оставь ты эту пьянь, — раздраженно бросил Эллис говорком кокни, не оборачиваясь.

— Нах-х-х племянницу! — простонал мистер Лэкерстин. — Подайте бренди, бога ради.

— Вот повезло девице, а? Что ни день, видеть дядю под столом. Эй, буфетчик! Неси-ка бренди для мистера Лэкерстина!

Буфетчик, крепкий смуглый дравид с прозрачно-желтыми, как у собаки, глазами принес бренди на медном подносе. Флори и Вестфилд заказали джину. Мистер Лэкерстин приложился несколько раз к бренди и откинулся на спинку, застонав уже не так отчаянно. У него было мясистое, открытое лицо, с усами щеточкой. И сам он был человек открытый и простой, не имевший никаких других стремлений,

кроме как «гульнуть». Жена держала его в узде единственным возможным способом — не выпускала из виду больше, чем на час-другой. Через год после женитьбы она первый и последний раз оставила его на две недели, а вернувшись на день раньше срока, застала в обнимку с двумя голыми туземками и с третьей, выливавшей ему в рот остатки виски из бутылки. С тех пор она его караулила, по словам мистера Лэкерстина, «как кошка у мышиной, млять, норки». И все же, он нет-нет да умудрялся «гульнуть», хотя, как правило, наспех.

— Иисусе Христе, что с моей головой с утра, — сказал он. — Позови еще буфетчика, Вестфилд. Нужно догнаться бренди, пока супруга не нагрязнула. Говорит, урежет мне бухло до четырех стопок в день, как племянница приедет, — и добавил мрачно: — Изведи их бог обеих!

— Харе вам всем дурака валять, — сказал Эллис злобно, — слушайте сюда.

Он выражался в чудаковатой насмешливой манере, почти всякий раз задевая кого-то, и намеренно нажимал на свое просторечие, для пущей язвительности.

— Видали, чо нам предписал старый Макгрегор? Всех решил осчастливить. Максвелл, очнись и слушай!

Максвелл выглянул из-за «Просторов». Это был цветущий молодой блондин лет двадцати пяти (очень молодой для занимаемой им должности), походивший своими тяжелыми членами и густыми белесыми ресницами на ломового жеребца. Эллис со злобным

проворством сорвал с доски листок и стал читать вслух. Автором листка был Макгрегор, совмещавший должность представителя комиссара и председателя клуба.

— Только послушайте: «Ввиду того, что в этом клубе не состоит ни один азиат, как и того, что сейчас стало нормой давать официальным светским лицам, будь то туземцы или европейцы, членство в большинстве Европейских клубов, поступило предложение рассмотреть вопрос принятия этой практики в Чаутаде. Данное предложение будет открыто для обсуждения на следующем общем собрании. С одной стороны можно указать...» Ну, в общем, дальше можно не читать. Он даже записки не напишет без приступа словесного поноса. Короче, суть в чем: он просит нас поступиться всеми нашими принципами и принять в этот клуб какого-нибудь уважаемого негритосика. Хотя бы *уважаемого* доктора Верасвами. Я его зову доктор Веник-сранный. Вот уж *уважил бы*, как по-вашему? Будут за картами пузатые ниггеры вам в лицо чесноком дышать. Боже, подумать только! Нам нужно сплотиться и задавить это в зародыше. Что скажешь, Вестфилд? Флори?

Вестфилд философски пожал щуплыми плечами, уселся за стол и закурил черную вонючую бирманскую чируту¹.

— Полагаю, придется с этим смириться, — сказал он. — Туземные ублюдки проникают теперь во

¹ Манильская сигара с обрезанными концами.

все клубы. Даже в Пегу¹, мне сказали. Эта страна не стоит на месте, сам знаешь. Мы, наверно, последний в Бирме клуб, какой еще держится.

— Так и есть, — сказал Эллис. — И, что главное, мы, черт возьми, не собираемся сдаваться. Сдохнуть мне в канаве, если сюда ступит ниггер.

Эллис достал огрызок карандаша и со свирепым выражением лица, каким иные сопровождают свои самые пустячные действия, снова прищипил листок к доске и аккуратно вывел рядом с подписью мистера Макгрегора: «Т. Ж.».

— Вот, что я думаю об этом. Так ему и скажу, как придет. А что *ты* скажешь, Флори?

Флори все это время хранил молчание. От природы он отнюдь не был молчуном, но в беседах клуба участвовал редко. Он сидел за столом, читая статью Г. К. Честертона в «Лондонских новостях», и чесал за ухом Фло. Эллис же был из тех, кто вечно норовит убедить других в собственной правоте. Он повторил свой вопрос, Флори поднял взгляд от газеты, и глаза их встретились. Тут же кожа на переносице Эллиса побледнела, предвещая приступ гнева. Без всякой преамбулы он разразился шквалом ругани, что могло бы ошеломить остальных, если бы они не слышали подобного каждое утро.

— Бог мой, я-то думал, в ситуации, когда стоит вопрос, чтобы не пустить этих вонючих черных свиней в единственное место, где можно со своими отдохнуть, у тебя хватит духу меня поддержать. Пусть

¹ Город в Нижней Бирме, административный центр.

даже этот грязный пузатый докторишко, педик черномазый — твой *дружок*. Мне *плевать*, если тебе охота якшаться с распоследней мразью. Если нравится ходить в гости к Верасвами и пить виски со всеми его негритосами, валяй. За пределами клуба твори что хочешь. Но, бога ради, совсем другое дело, когда речь идет о том, чтобы пустить ниггеров сюда. Надо думать, ты был бы не прочь принять в клуб этого Верасвами, а? Чтобы он встревал в наш разговор и лапал всех своими потными ручонками, и дышал нам в лицо чесноком. Боже правый, да я его пинком под зад вышибу, пусть только сунет на порог свою черную морду. Пузатый, грязный... и т. д. и т. п.

Так продолжалось несколько минут. Полнейшая искренность говорившего вызывала до странности сильное впечатление. Эллис действительно ненавидел азиатов — ненавидел отчаянно, гадливо и неумно, как само зло, саму грязь. Живя и работая, как положено представителю лесоторговой фирмы, в постоянном контакте с бирманцами, он так и не привык спокойно смотреть на темнокожих. Любой намек на дружелюбие в отношении туземца казался ему ужасным извращением. Он был образованным человеком и ценным сотрудником своей фирмы, однако из числа тех англичан — числа немало, к сожалению — которых никогда не следовало пускать на Восток.

Флори сидел, не смея поднять взгляд на Эллиса, и гладил Фло, положившую голову ему на колени. Он и так-то с трудом смотрел людям в лицо из-за своего родимого пятна. Когда же он заговорил, то заметил,

что голос его, как нарочно, дрожит; хорошо еще, лицо не дергалось, что иногда случалось.

— Остынь, — сказал он наконец хмуро и довольно вяло. — Остынь. Зря разоряешься. Я никогда не предлагал принять в клуб туземца.

— Правда, что ли? Но мы прекрасно, млять, знаем, что ты был бы рад. Чего ж тогда ты ходишь каждое утро к этому задрипанному индюку, а? Сидишь с ним за столом, как с белым, и пьешь из стаканов, которых касались его слюнявые губы — тьфу, мерзость.

— Присядь, старик, присядь, — сказал Вестфилд. — Забудь. Лучше выпей. Не стоит ссориться из-за этого. И так жара.

— Ей-богу, ребята, — сказал Эллис уже чуть спокойнее, прохаживаясь по комнате, — ей-богу, я вас не понимаю. Просто не понимаю. Этому старому дурню Макгрегору втемяшилось принять к нам в клуб ниггера, а вы все сидите и ни гу-гу. Боже правый, что мы вообще тогда делаем в этой стране? Если мы не собираемся здесь править, какого черта не уберемся отсюда? Мы же, вроде как, должны управлять этими свиньями погаными, испокон веку рабами, а вместо того, чтобы править ими единственным понятным для них способом, мы стараемся относиться к ним, как к равным. А вам, ублюдкам тупым, как будто того и надо. Вот Флори, завел дружбу, неразлейвода, с черным индюком, который себя доктором считает только потому, что отучился пару лет в индийском, скажите пожалуйста, университете. И ты, Вестфилд, от гордости лопаешься за своих продажных поли-

цейских шавок. И Максвелл бегаёт за туземными шлюшками. Да, Максвелл, бегаешь; я слышал о твоих похождениях в Мандалае с одной вонючей сучкой по имени Молли Перейра. Небось, женился бы на ней, если бы сюда не перевели? Вам всем, похоже, нравятся эти грязные зверьки. Господи, я не знаю, что с нами такое. Право слово, не знаю.

— Давай, выпей еще, — сказал Вестфилд. — Эй, буфетчик! Пивка нам, пока лед есть, а? Пива, буфетчик!

Буфетчик принес несколько бутылок «Мюнхенского». Эллис сел за стол с остальными и стал перекачивать в ладошках прохладную бутылку. Лоб у него покрылся испариной. Он все еще дулся, хотя гнев улегся. Он вечно был чем-нибудь или кем-нибудь недоволен, но вспышки гнева быстро проходили, и он никогда не извинялся. Перебранки были неотъемлемой частью жизни клуба. Мистеру Лэкерстину полегчало, и он рассматривал иллюстрации в *La Vie Parisienne*. Шел уже десятый час, и в комнате, пропитанной едким дымом чируты Вестфилда, была парилка. Рубашки у всех взмокли первым потом нового дня и прилипли к спине. Невидимого чокру¹, который должен был раскачивать опахало, похоже, сморил сон.

— Буфетчик! — злобно выкрикнул Эллис и велел ему, когда тот появился: — Пойди, разбуди драного чокру!

— Да, хозяин.

¹ Мальчик (*бирм.*).

— Постой!

— Да, хозяин.

— Сколько у нас еще льда?

— Фунтов двадцать, хозяин. Думаю, хватит только на сегодня. Теперь, сдастся мне, будет трудно держать лед холодным.

— Не разговаривай так, черт тебя дери: «Теперь, сдастся мне, будет трудно»! Ты словарь, что ли, съел? «Прощения, хозяин, лед теперь держать не можно», — вот как ты должен говорить. Нам придется вышвырнуть этого малого, если он шибко выучится по-английски. Не терплю слуг-грамотеев. Слышишь, буфетчик?

— Да, хозяин, — сказал буфетчик и удалился.

— Боже! До понедельника безо льда, — сказал Вестфилд. — Собираешься назад в джунгли, Флори?

— Да. Мне уже пора. Я зашел только за английской почтой.

— Думаю, тоже отчалою. Выбью себе командировку. Мочи нет торчать в чертовой конторе в это время года. Сиди там под проклятым опахалом, строчи хреновину всякую. Бумажная волокита. Боже, хоть бы снова война!

— Я уеду послезавтра, — сказал Эллис. — В воскресенье, кажись, чертов падре будет служить службу? Я, по-любому, участвовать в этом не собираюсь. Колени, млять, отбивать.

— В следующее воскресенье, — сказал Вестфилд. — Я обещал быть. Как и Макгрегор. Не позавидуешь падре, бедному черту, должен сказать.

Добирается к нам только раз в полтора месяца. По такому случаю прихожане могли бы уважить.

— Ексель-моксель! Я бы проблеял псалмы из уважения к падре, но не выношу, как эти туземные христиане паршивые лезут в нашу церковь. Шайка мадрасских слуг и каренских учителей. А еще двое этих желтопузых, Фрэнсис и Сэмюэл — тоже себя христианами считают. Прошлый раз, как падре приезжал, набрались наглости пролезть в передние ряды, возле белых. Кто-то должен обратиться с этим к падре. Вот же мы дурачье — дали волю всяким там миссионерам! Могли бы с таким же успехом учить их мести базар. «Прощения, сэр, моя тоже христианин, как хозяин». Обнаглели, черти.

— А что вы скажете об этих ножках? — обратился ко всем Лэкерстин, протягивая *La Vie Parisienne*. — Ты французский знаешь, Флори — что там снизу написано? Господи, вспоминаю, как я был в Париже, в первый отпуск, еще до женитьбы. Господи, вот бы снова туда!

— А слышали «Девуцу из города Уокинг»? — сказал Максвелл.

Он был довольно тихим юнцом, но, как и все юнцы, обожал пошлые стишки. Он поведал биографию юной девицы из Уокинга, и все засмеялись. Вестфилд в ответ рассказал о юной девице из Лидса, которой случилось влюбиться, а Флори выдал стишок о юном викарии из Суиндона, имевшем смекалку завидную. Снова все засмеялись. Даже Эллис оттаял и рассказал несколько стишков; его юмор отличался остроумием и редкой скабрзностью. Несмотря на

жару, всем полегчало, обстановка разрядилась. Допив пиво, они собрались заказать что-нибудь еще, но тут на крыльце послышались шаги. И раскатистый голос, от которого завибрировал дощатый пол, весело произнес:

— Да, совершенно презабавный. Я включил его в одну из этих моих статей для «Блэквуда»¹, ну, знаете. Помню, когда квартировался в Проме, был еще такой весьма... э-э... занимательный случай, который...

Наконец в клуб пожаловал мистер Макгрегор. Мистер Лэкерстин воскликнул:

— Черт! Жена пришла.

С этими словами он отодвинул от себя пустой бокал как можно дальше. В салон вошли мистер Макгрегор и миссис Лэкерстин.

Мистер Макгрегор был крупным, дородным мужчиной, хорошо за сорок, с физиономией доброго мопса в золотых очках и в чистом шелковом костюме, отмеченном полукружьями пота под мышками. У него была забавная привычка выставлять голову из массивных плеч, точно черепаха — бирманцы его так и прозвали, «наш черепах». Приветствуя остальных шутивным взмахом руки, он приблизился, сияя улыбкой, к доске объявлений, поигрывая за спиной тростью, точно школьный учитель. Его добродушие было вполне искренним, и все же он так нарочито его демонстрировал, стараясь быть своим в

¹ Литературно-публицистический журнал (1817—1980) крайне консервативного толка.

доску, без всяких там регалий, что никто не мог расслабиться в его присутствии. Свою манеру общения он, очевидно, перенял у некоего остролова учителя или священника, оказавшего на него впечатление в юности. Всякое необычное слово, любую цитату или поговорку он произносил как шутку, предваряя ее характерным мычанием («э-э» или «хм-м»), чтобы все знали, когда смеяться.

Миссис Лэкерстин, женщина лет тридцати пяти, отличалась обтекаемо-удлиненной миловидностью журнального фасона. В ее томном голосе слышалась досада. Все встали при ее появлении, и миссис Лэкерстин с изможденным видом опустилась в лучшее кресло, под самым опахалом, обмахиваясь своей тонкой ручкой, похожей на лапку тритона.

— Божечки, какая же жара! Мистер Макгрегор заехал за мной и подвез на своем авто. *Так* любезно с его стороны. Том, этот паршивый рикша снова притворяется больным. Серьезно, я думаю, тебе надо задать ему хорошую взбучку и преподать урок. Это просто кошмар — каждый день ходить по такой жаре.

Миссис Лэкерстин, которой было неважно пройти четверть мили от дома до клуба, выписала рикшу из Рангуна. Кроме воловьих упряжек и машины мистера Макгрегора, это было единственное транспортное средство в Чаутаде, едва ли насчитывавшей десять миль по округности. Будучи с мужем в джунглях, миссис Лэкерстин ни на шаг не отходила от него и стойко переносила такие напасти, как протекающая палатка, москиты и консервы; однако в штаб-квартире капризам ее не было предела.

— Seriously, я думаю, слуги обленились дальше некуда, — сказала она и вздохнула. — Вы согласны, мистер Макгрегор? У нас теперь как будто не осталось никакого *влияния* на туземцев, со всеми этими кошмарными реформами и газетами, из которых они набираются хамства. В каком-то смысле они становятся почти ничем не лучше наших низших классов.

— Ну, не думаю, что все настолько плохо. И все же, боюсь, не остается сомнений, что дух демократии дополз даже сюда.

— А еще совсем недавно, перед самой войной, они были такими *милыми* и почтительными! Как они кланялись по-восточному, когда встречались на дороге — просто прелесть. Я помню, мы платили нашему буфетчику всего двенадцать рупий в месяц, и ведь он любил нас, как верный пес. А теперь подавай им сорок рупий, пятьдесят, и я для себя сделала вывод, что единственный способ урезонить слуг — это платить им как можно позже.

— Слуга старого типа исчезает, — согласился мистер Макгрегор. — В мою молодость, когда буфетчик дерзил, его посылали в участок с запиской: «Подателю сего всыпьте пятнадцать плетей». Что ж, *eheu fugaces!*¹ Те дни, боюсь, ушли безвозвратно.

— Эх, вот здесь вы правы, — сказал Вестфилд в своей мрачной манере. — Эта страна перестала быть пригодной для жизни. Если хотите мое мнение, Британской Индии настал конец. Утраченный доминион и все такое. Пора выметаться отсюда.

¹ Время летит (*лат.*). *Прим. ред.*

На это все дружно вздохнули — даже Флори, печально известный своими большевистскими взглядами, даже молодой Максвелл, не проживший здесь и трех лет. Любому англоиндийцу было ясно, что Индия катится к черту, и отрицать это было бессмысленно, поскольку Индия, как и Панч, никогда не была тем, чем была.

Между тем Эллис снял с доски несносный листок и протянул Макгрегору, высказавшись в своей откровенной манере:

— Вот, Макгрегор, прочитали мы твою записку и думаем, что идея избрать в клуб туземца — это полная... — он хотел было сказать «полная херня», но вовремя вспомнил о миссис Лэкерстин, — полный вздор. Этот клуб, как-никак, такое место, куда мы приходим отдохнуть, и мы не хотим, чтобы сюда совались туземцы. Нам хотелось бы думать, что есть еще такое место, где мы от них свободны. Остальные абсолютно со мной согласны.

Он оглядел остальных.

— Верно, верно! — решительно сказал мистер Лэкерстин.

Он понял, что от жены не скроешь похмелье, и надеялся хоть как-то заслужить ее расположение. Мистер Макгрегор улыбнулся и взял записку. Увидев «Т. Ж.» перед своим именем, он подумал, что Эллис совсем распоясался, но решил перевести все в шутку. Быть славным малым в клубе стоило ему не меньших усилий, чем держаться с достоинством на службе.

— Я полагаю, — сказал он, — что наш друг Эллис не одобряет общества... э-э... своего арийского собрата?

— Не одобряю, — сказал Эллис ехидно. — Как и монгольского собрата. Если коротко, не люблю я ниггеров.

Мистер Макгрегор напрягся при слове «ниггер», порицавшемся в Индии. Сам он не испытывал неприязни к азиатам; более того, он им всячески симпатизировал. Ему претила мысль дать им свободу, однако он считал их совершенно очаровательными. Его всегда задевало, когда другие походя их оскорбляли.

— Справедливо ли, — сказал он строго, — называть этих людей ниггерами — что вызывает их естественное возмущение, — когда они очевидно принадлежат к иным группам? Бирманцы — монголоиды, индийцы — арийцы или дравиды, и все они вполне отчетливо...

— Ой, харе! — сказал Эллис, не испытывавший ни малейшего почтения к рангу мистера Макгрегора. — Ниггеры, арийцы — назовите, как хотите. Что я говорю, это что мы не хотим видеть в этом клубе черномазых. Если вынесете это на голосование, то увидите, что мы единогласно против. Разве только Флори, — добавил он, — предложит своего *дражайшего* Верасвами.

— Верно, верно! — повторил мистер Лэкерстин. — От меня черный шар¹ засчитайте, против всех этих.

¹ Голос против при голосовании. *Прим. ред.*

Мистер Макгрегор недовольно поджал губы. Он оказался в неловком положении, поскольку идея принять в клуб туземца принадлежала не ему, а комиссару. Однако оправдываться он не любил, поэтому произнес миролюбиво:

— Не отложить ли нам это обсуждение до следующего общего собрания? Чтобы тем временем хорошенько все взвесить, как взрослые люди. А сейчас, — добавил он, подходя к столу, — кто разделит со мной... э-э... освежающее возлияние?

Позвали буфетчика, заказали «освежающих напитков». Жара усилилась, и все изнывали от жажды. Мистер Лэкерстин готов был заказать выпивку, но передумал, поймав взгляд жены, и сказал понуро:

— Я пас.

Он сидел, сложив руки на коленях и скорбно смотрел, как миссис Лэкерстин жадно глотает лимонад с джином. Мистер Макгрегор, хотя и подписал счет за выпивку, пил простой лимонад. Он единственный из всех европейцев в Чаутаде придерживался правила не пить до захода солнца.

— Это все, конечно, хорошо, — проворчал Эллис, поставив локти на стол и крутя в руках стакан; перебранка с Макгрегором снова раззадорила его. — Это все, конечно, хорошо, но я при своем мнении. Никаких туземцев в этом клубе! Вот так, уступая пядь за пядью, мы и погубили империю. Эту страну разъедает малодушие, потому что мы с ними слишком цацкаемся. Единственно возможная политика с ними — это относиться к ним, как к грязи, они другого не заслуживают. Сейчас критический момент,

и нам нужно всеми средствами поддерживать престиж. Встать плечом к плечу и сказать: «*Мы — хозяева, а вы — шваль*, — Эллис вжал в стол худосочный палец, словно давя козявку, — вы — шваль, и найдите свое место!»!

— Безнадежно, старина, — сказал Вестфилд. — Совершенно безнадежно. Что ты им сделаешь, когда крючкотворы руки вяжут? Туземная шваль лучше нас знает законы. В лицо тебе нахамят, а попробуй ударь — накатают заявление. Ничего не сделаешь, когда нет уверенности в своих силах. А какая тут уверенность, когда у них кишка тонка для открытой схватки?

— Наш бурра-сахиб¹ в Мандалае всегда говорил, — вставила миссис Лэкерстин, — что мы в конце концов просто *уйдем* из Индии. Молодежь больше не поедет сюда, чтобы работать всю жизнь, снося оскорбления и неблагодарность. Мы просто *уйдем*. Когда туземцы придут к нам и будут умолять остаться, мы им скажем: «Нет, у вас был шанс, вы его упустили. Раз так, мы от вас уйдем, управляйте собой сами». Вот тогда мы их действительно проучим!

— Это все закон и порядок привел нас к такому, — сказал Вестфилд мрачно.

Ему не давала покоя тема крушения Британской Индии из-за чрезмерной законности. Он считал, что ничто уже, кроме полномасштабного мятежа с по-

¹ Большой человек; имеется в виду представитель европейской власти (*хинд.*).

следующим военным положением, не могло спасти империю от распада.

— Все это бумагомарание и крючкотворство. Конторские индюки — вот, кто теперь действительно управляет этой страной. Наша песня спета. Лучшее, что нам остается, это прикрыть лавочку, и пускай варятся в собственном соку.

— Не соглашусь, никак не соглашусь, — сказал Эллис. — Мы бы за месяц навели порядок, стоит только захотеть. Лишь бы храбрости набраться. Вон, в Амритсаре¹, ишь, как сразу присмирели. Дайер знал, как с ними надо. Бедняга Дайер! Грязная была работа. Этим трусам в Англии придется ответить.

Остальные издали вздох сожаления, подобный тому, что издают католики при упоминании Марии Кровой². Даже мистер Макгрегор, которому претило кровопролитие и военное положение, покачал головой.

— Эх, бедняга! Пал жертвой политической игры. Что ж, возможно, когда-нибудь столичные политики поймут, как были не правы.

— Мой старый начальник на этот счет байку рассказывал, — сказал Вестфилд. — Служил в тузем-

¹ 13 апреля 1919 г. колониальные войска Британской империи расстреляли мирную демонстрацию в Амритсаре под предводительством М. Ганди.

² Мария I Тюдор (1516—1558) — английская королева, восстановившая на время своего правления (1553—1558) католицизм и жестоко преследовавшая сторонников Реформации.

ном полку один старый хавилдар¹, и его спросили, что будет, если британцы уйдут из Индии. Старикан и говорит...

Флори отодвинул стул и встал. Он больше был не в состоянии, не мог — нет, не желал выносить этого! Он должен немедля уйти отсюда, пока не тронулся умом и не начал крушить мебель и бросаться бутылками в картинки на стенах. Тупая, безмозглая алкашня! Как такое может быть, что они неделю за неделей, год за годом мусолят одно и то же, повторяют слово в слово те же злобные бредни, словно пародируя третьесортный рассказик из «Блэквуда»? Неужели никто из них *никогда* не скажет ничего нового? Что ж за место такое, что за люди! Что за цивилизацию мы породили — эту безбожную цивилизацию, замешанную на виски, «Блэквуде» и «восточных» картинках! Господи помилуй, ибо все мы к этому причастны.

Флори ничего такого не сказал и мучительно старался сохранять нейтральное выражение лица. Он стоял возле стула, чуть в стороне от остальных, с неловкой улыбкой человека, привыкшего чувствовать себя белой вороной.

— Боюсь, мне нужно отчаливать, — сказал он. — Нужно, к сожалению, кое-что успеть до завтрака.

— Остайся, пропусти еще стаканчик, — сказал Вестфилд. — Утро только распустилось. Выпей джину. Для аппетита.

¹ Сержант (бирм.).

— Нет, спасибо, мне пора. Идем, Фло. До свидания, миссис Лэкерстин. Всем до свидания.

— Тоже мне, Букер Вашингтон¹, дружок ниггеров, — сказал Эллис, едва удалился Флори; и каждый подумал, что точно так же он чихвостит их за глаза. — Наверно, пошел к Венику-сраному. Или свалил поскорей, чтобы за выпивку не платить.

— Ну, он парень неплохой, — сказал Вестфилд. — Так только, большевизмом увлекается. Не думаю, что он это всерьез.

— Да, парень он славный, ничего не скажу, — сказал мистер Макгрегор.

Надо заметить, что каждый европеец в Индии в силу своей национальности, а точнее цвета кожи, считался славным парнем, пока не натворит чего-нибудь совсем уж несусветного. Быть славным парнем — почетное звание.

— Как по мне, так *слишком уж* большевиком несет, — не унимался Эллис. — Не выношу таких, кто корешится с туземцами. Не удивлюсь, если он сам дегтем смазан. Вон, какая метка на лице. Пегая морда. И вообще похож на желтопузого — чернявый, и кожа как лимон.

Возникла бессвязная перепалка насчет Флори, но вскоре утихла, поскольку мистер Макгрегор этого не одобрял. Европейцы посидели в клубе еще какое-то время и снова освежились. Мистер Макгрегор рассказал свою байку о Проме, которая почти всегда

¹ Букер Тальяферро Вашингтон (1856—1915) — один из выдающихся просветителей и борцов за права афроамериканцев, оратор, политик, писатель.

была к месту. А затем разговор сам собой свернул на старую, животрепещущую тему — наглость туземцев, малодушие правительства и канувшие в Лету времена, когда Британская Индия действительно была британской, и подателю сего «всыпьте пятнадцать плетей». Редкий день обходился без этого, учитывая одержимость Эллиса. Впрочем, неудовольствие европейцев было вполне объяснимо. Когда живешь и работаешь среди азиатов, нужно быть святым, чтобы не озлобиться. Все присутствовавшие, особенно официальные лица, знали, что значит сносить насмешки и оскорбления. Чуть ли не каждый день, когда Вестфилд, мистер Макгрегор или даже Максвелл шли по улице, школьники, с их юными, желтыми лицами — гладкими, точно золотые монетки, источавшими сводящее с ума презрение, столь присущее монголоидам, — глумились им вслед, а бывало и преследовали, гнусно хихикая. Англичанину в Индии жилось несладко. Убожество солдатских лагерей, душные конторы, затхлые, пропахшие битумом станционные гостиницы — все это, пожалуй, давало им право на некоторое недовольство.

Время близилось к десяти, и жара была удушающая. У всех на лицах (а у мужчин и на предплечьях) блестел пот. На спине шелкового пиджака мистера Макгрегора ширилась влажная прогалина. Слепящий свет просачивался сквозь зеленые циновки и бил по глазам, дурманя разум. Все думали с тоской о предстоящем плотном завтраке и убийственно долгих дневных часах. Мистер Макгрегор встал со вздо-

хом и поправил очки, сползавшие по скользкому носу.

— Увы, пора заканчивать столь приятное собрание, — сказал он. — Мне надо домой к завтраку. Заботы империи. Подвезти кого-нибудь? У крыльца моя машина с шофером.

— О, спасибо вам, — сказала миссис Лэкерстин. — Возьмете нас с Томом? Какое облегчение не ходить пешком в такую жару!

Все встали. Вестфилд потянулся и подавил зевок, втянув носом воздух.

— Лучше, пожалуй, двигаться. Засну, если дальше буду тут сидеть. Весь день еще в конторе париться! Горы бумаг изводить. О боже!

— Не забудьте, вечером теннис, всех касается, — сказал Эллис. — Максвелл, черт ленивый, больше не увиливай. Чтоб был тут с ракеткой ровно в четыре тридцать.

— *Après vous, madame*¹, — сказал галантно мистер Макгрегор в дверях.

— Веди, Макдуф, — сказал Вестфилд.

Они вышли на слепяще-белый свет. От земли шибало жаром, точно от духовки. Цветы угнетали буйством красок, не колышась ни единым лепестком под неистовым солнцем. Безжалостный свет пронизывал до костей. Мысль об этом синем, слепящем небе, раскинувшемся над всей Бирмой и Индией, над Сиамом, Камбоджей, Китаем, совершенно безоблачном небе, — эта мысль наводила ужас. Корпус машины

¹ После вас, мадам (*фр.*).

Макгрегора раскалился как утюг. Начиналось самое жуткое время дня, время, когда, по словам бирманцев, «ноги молчат». Все живое оцепенело, не считая людей, колоний черных муравьев, любителей жары, маршировавших через тропинку, и бесхвостых стервятников, бездвижно паривших в воздушных потоках.

3

За воротами клуба Флори повернул налево и пошел по базарной дороге в тени фиговых деревьев. Через сотню ярдов зазвучала бравурная музыка — это взвод военной полиции, долговязых индийцев в хаки, маршировал в казармы, ведомый юным гуркхон¹, игравшим на волынке. Флори направлялся к доктору Верасвами. Доктор жил в длинном бунгало из просмоленных досок, стоявшем на сваях в обширном запущенном саду, граничившем с садом Европейского клуба. Дорога подходила к дому сзади, а фасад его был обращен к больнице, располагавшейся на берегу реки.

Едва зайдя в калитку, Флори услышал испуганные женские возгласы из дома и беготню. Очевидно, он слегка разминулся с женой доктора. Обойдя дом, он позвал у веранды:

— Доктор! Вы заняты? Можно зайти?

¹ Непальские горцы, традиционно служившие в Британских колониальных войсках.

Из дома выскочила, точно чертик из шкатулки, черно-белая фигурка доктора. Подбежав к перилам, он затараторил:

— Можно ли сайты! Конечно, конечно, саходите скорее! Ах, мистер Флори, как расчудесно вас видеть! Саходите, саходите. Что будете пить? Есть виски, пиво, вермут и прочий европейский алкоголь. Ах, дражайший друг, как я саскучал по культурной беседе!

Доктор, темнокожий курчавый толстячок с доверчивыми круглыми глазами за очками в стальной оправе, был одет в мешковатый белый саржевый костюм с брюками, собранными гармошкой, и грубые черные башмаки. Говорил он с горячностью, тараторя и шепелявя. Пока Флори поднимался по ступенькам, доктор метнулся в дальний конец веранды и, открыв большой жестяной ледник, стал быстро вынимать всевозможные бутылки. Широкая веранда напоминала сумрачный грот за стеной солнечного водопада, благодаря свисавшим с низкого навеса корзинам с папоротником. На веранде стояли шезлонги с плетеными сиденьями тюремного производства, а с краю — книжный шкаф, вмещавший не слишком увлекательную библиотечку, в основном из эссеистики в духе Эмерсона — Карлейля — Стивенсона. Доктор, страстный читатель, любил, чтобы в книгах имелся, как он говорил, «моральный посыл».

— Ну, доктор, — сказал Флори, усаживаясь в шезлонг (доктор выдвинул подставки для ног, чтобы он мог вытянуться, и подал ему сигареты и пиво). —

Ну, доктор, как у нас дела? Как там Империя Британника? Разбита параличом, как обычно?

— Аха, мистер Флори, она очень слаба, очень слаба! Восникли серьезные осложнения. Септицемия, перитонит и паралич центральной нервной системы. Боюсь, придется посфать специалистов. Аха!

Друзья шутили между собой, будто Империя Британника была пожилой пациенткой доктора. Доктор был в восторге от этой шутки — она не придалась ему уже два года.

— Эх, доктор, — сказал Флори, вытягиваясь на шезлонге, — как же у вас хорошо после чертова клуба. Когда иду к вам, чувствую себя, как протестантский пастор, улизнувший в город к девкам. Такой восхитительный отдых от *них*, — он шевельнул одной ногой в сторону клуба, — от моих дражайших соратников, строителей Империи. Британский престиж, бремя белого человека, пакка-сахиб¹ *sans peur et sans reproche*² — ну, знаете. Такое облегчение, глотнуть свежего воздуха после этого смрада.

— Друг мой, друг мой, не надо, не надо, прошу! Это восмутительно. Вы не должны так говорить о достойных английских джентльменах!

— Вам, доктор, не приходится выслушивать этих достойных джентльменов. Я с утра терпел их, сколько мог. Эллиса, с его «грязными ниггерами», Вестфилда, с его шуточками, Макгрегора, с его латинскими фразочками и «подателю сего всыпьте пятнадцать

¹ Благородный господин (*хинд.*).

² Без страха и упрека (*фр.*).

плетей». Но, когда они принялись за эту историю о старом хавилдаре — ну, знаете, о старом сержанте, который сказал, что, если британцы уйдут из Индии, здесь не останется ни денег, ни девственниц — знаете; вот тогда я понял, больше не могу. Пора бы уже старому хавилдару на покой. Он мелет одно и то же с юбилея восемьдесят седьмого¹.

Доктор стал с горячностью возражать ему, как бывало всякий раз, когда Флори критиковал членов клуба. Он стоял в своем белом костюме, облокотившись о перила, и то и дело жестикулировал. Подыскивая какое-нибудь слово, он смыкал в кольцо указательный палец с большим, словно пытаюсь уловить что-то в воздухе.

— Ну, правда, правда, мистер Флори, не надо так говорить! Сачем вы всегда ругаете пакка-сахибов, как вы их насыфаете? Они соль семли. Восьмите то великое, что они сделали — восьмите великих руководителей, которые сделали Британскую Индию тем, что она есть. Восьмите Клайва, Уоррена Хастингса, Далхауси, Керсона. Это были такие мужи — перефразирую вашего бессмертного Шекспира: то были люди в полном смысле слова, таких нам больше не видать!

— Что ж, вам хотелось бы видать таких? Мне — нет.

— И восьмите самый тип английского джентльмена! Их восхитительную верность друг другу! Дух

¹ В 1887 г. отмечался 50-летний юбилей правления королевы Виктории.

частной школы! Даже те, цзи манеры высыфают сожаление — есть англичане спесивые, приснаю — обладают великими, блестящими качествами, каких недостает нам, асиатам. Под внешней грубостью сердца их солотые.

— Или лучше сказать позолоченные? Есть такое мнимое английское братство в этой стране. Традиция вместе жрать и бухать, притворяясь друзьями, хотя мы все друг друга ненавидим, как отраву. Держаться вместе, так мы это называем. Это политический расчет. Естественно, машину смазывает выпивка. А иначе мы бы озверели и поубивали друг друга за неделю. Вот тема для ваших эссеистов-моралистов, доктор. Бухло как цемент империи.

Доктор покачал головой.

— Право, мистер Флори, я не снаю, что сделало вас таким циником. Это совершенно не к месту! Вы — английский джентльмен таких дарований, таких достоинств — рассуждаете, как какой-нибудь мятежник из «Бирманского патриота»!

— Мятежник? — сказал Флори. — Я не мятежник. Я не хочу, чтобы бирманцы вытурили нас из страны. Боже упаси! Я здесь деньги делаю, как и все. Я только против одного — словоблудия о бремени белого человека. Этой позы пакка-сахмба. Осточертело. Даже это паршивое дурачье в клубе могло бы быть сносной компанией, если бы вся наша жизнь не была пропитана ложью.

— Но, дорогой мой друг, какой же ложью пропитана ваша жизнь?

— А как же? Той ложью, что мы пришли окультуривать наших бедных черных собратьев, а не просто грабить их. Ложь, можно сказать, вполне естественная. Но она нас разлагает, так разлагает, что вы и представить не можете. Все время преследует чувство, что ты плут и лжец, и это изводит нас и заставляет оправдываться дни и ночи напролет. В этом корень половины нашего скотства с туземцами. Мы, англоиндийцы, были бы даже почти ничего, если бы только признали, что мы воры и намерены воровать без всякого лицемерия.

Доктор, довольный собой, ухватил щепотку воздуха.

— Слабость вашего аргумента, дорогой мой друг, — сказал он, радуясь собственной иронии, — слабость, по всей видимости, в том, что вы *не* воры.

— Ну, дорогой мой доктор...

Флори сел ровно в шезлонге, отчасти из-за красной потницы, вонзившейся ему в спину тысячей игл, отчасти потому, что начался его любимый спор с доктором. Этот спор, имевший, по сути, смутное отношение к политике, возникал всякий раз, как встречались эти двое. И происходил он шиворот-навыворот, поскольку англичанин костерил англичан, а индеец фанатично их защищал. Доктор Верасвами страстно восхищался всем английским, и никакие уколы со стороны англичан не могли поколебать в нем это. Он сам с готовностью признавал, что индийцы являются низшей, деградировавшей расой. Его вера в британское правосудие была так велика, что не слабела даже тогда, когда он наблюдал в тюрьме телесные

наказания или повешения, после которых приходил домой с посеревшим лицом и накачивался виски. Его шокировали мятежные взгляды Флори, но и доставляли порочное удовольствие, какое испытывает истовый верующий, слыша, как молитву «Отче наш» читают задом наперед.

— Дорогой мой доктор, — сказал Флори, — как вы можете утверждать, что мы в этой стране с какой-то иной целью, кроме воровства? Это так просто. Чиновник держит бирманца за горло, пока бизнесмен обшаривает его карманы. Вы считаете, могла бы моя фирма, к примеру, получить контракт на вывоз леса, если бы страна не была в руках британцев? Или другие лесоторговые фирмы, или нефтяные компании, или горнодобытчики, плантаторы и коммерсанты? Как бы Рисовый синдикат обдирал несчастных крестьян, если бы за ним не стояло правительство? Британская империя — это просто машина, которая обеспечивает торговые монополии английским, точнее сказать, еврейским и шотландским бандам.

— Друг мой, мне печально слышать, что вы так говорите. Поистине, печально. Вы говорите, вы стесь санимаетесь коммерцией? Конечно, так и есть. Могли бы бирманцы саниматься коммерцией? Могут они делать машины, корабли, рельсы и дороги? Они без вас беспомосьны. Что бы стало с бирманским лесом, если бы не англичане? Его бы тут же продали японцам, которые бы вырубали все под корень. А вместо этого вашими руками лес фактически культивируется. И пока ваши бизнесмены расрабатывают ресурсы нашей страны, ваши чиновники нас окультуривают,

поднимая до своего уровня, из чистого духа солидарности. Потрясающий пример самоотречения.

— Чушь, дорогой мой доктор. Признаю, мы учим молодежь пить виски и играть в футбол, но мало чему сверх того. Посмотреть на наши школы — это же фабрики для дешевых клерков. Мы никогда не учили индийцев никакому полезному ремеслу. Духу не хватает; боимся промышленной конкуренции. Больше того, мы погубили немало отраслей. Где теперь индийский муслин? Лет семьдесят назад в Индии строили морские суда и снаряжали их. А теперь не построят и хорошей рыбацкой лодки. В восемнадцатом веке индийцы отливали пушки, не уступавшие европейским образцам. Теперь же, после того как мы пробыли в Индии полторы сотни лет, у вас на всем континенте не сделают и медной гильзы. Единственные азиатские народы, кто развивался быстро, это народы независимые. Не будем трогать Японию, но возьмите Сиам...

Доктор возбужденно замахал рукой. Он всегда прерывал оппонента, когда тот упоминал Сиам (как правило, спор повторялся по одной и той же схеме, почти слово в слово), не желая признавать поражения.

— Друг мой, друг мой, вы сабываете азиатский характер. Как иначе обрасовывать нас, при нашей бесфольности и суеверности? Вы, по крайней мере, дали нам закон и порядок. Неколебимое британское правосудие и мир народов.

— Мор народов, доктор, мор народов — так будет правильно. И в любом случае, для кого этот мир?

Для ростовщика и законника. Конечно, мы поддерживаем в Индии мир, в наших же интересах, но к чему сводится весь этот закон и порядок? Больше банков и больше тюрем — вот и все.

— Какие чудовищные искажения! — воскликнул доктор. — Расфе тюрьмы совсем не нужны? И расфе вы не принесли нам ничего другого, кроме тюрем? Восьмите Бирму времен Тибо¹ — грязь и пытки, и невежество — и посмотрите, что сейчас. Просто взгляните с этой веранды — фсκληните на эту больницу и чуть правее, на школу и полицейский участок. Фсκληните на весь этот мосьный рывок прогресса!

— Конечно, я не отрицаю, — сказал Флори, — что мы определенным образом модернизируем эту страну. Это неизбежно. Правда в том, что мы не уберемся отсюда, пока не изничтожим всю бирманскую национальную культуру. Но мы их не цивилизуем, мы только мажем их нашей грязью. Что это принесет, этот рывок прогресса, как вы его называете? Только наши свинские побрякушки — граммофоны и шляпы-котелки. Иногда я думаю, что через двести лет ничего этого, — он махнул ногой в сторону горизонта, — ничего этого не останется — ни лесов, ни деревень, ни монастырей, ни пагод — все пропадет. Вместо этого будут розовые виллы на участках в полсотни ярдов; по всем холмам, насколько хватит глаз, вилла за villой, и в каждой будет граммофон играть одно и то же. А все леса спилят под корень — пере-

¹ Король верхнебирманского государства Ава, завоеванного англичанами в 1885 г.

мелют на пульпу для «Мировых новостей» или понаделают граммофонов. Но деревья способны мстить, как говорит старик в «Дикой утке». Вы ведь читали Ибсена?

— Ах, нет, мистер Флори, увы! Это могучий, выдающийся расум, как говорит о нем вдохновенный Бернард Шоу. Мне еще предстоит это удовольствие. Но, друг мой, чего вы не видите, так это того, что ваша цивилизация даже в худших своих проявлениях несет нам польсу. Граммофоны, котелки, «Мировые новости» — все это лучше, чем ужасная азиатская лень. Я вижу британцев, даже наименее примерных, некими... некими, — доктор искал подходящее выражение и нашел его, вероятно, где-нибудь у Стивенсона, — факельсиками на пути прогресса.

— А я — нет. Я в них вижу этаких современных, гигиеничных, самодовольных вшей. Которые скачут по миру, застраивая его тюрьмами. Построят тюрьму и назовут это прогрессом, — добавил он не без горечи, сомневаясь, что доктор уловит аллюзию.

— Друг мой, вы положительно зациклились на тюрьмах! Восьмите другие достижения ваших собратьев. Они строят дороги, орошают пустыни, побеждают голод, строят школы, открывают больницы, борются с чумой, холерой, прокасой, оспой, венерическими болеснями...

— Которые сами же и завезли, — вставил Флори.

— Нет, сэр! — возразил доктор, стремясь приписать эту заслугу своим соотечественникам. — Нет, сэр, это индийцы савесли венерические болесни в эту страну. Индийцы савосят болесни, а англичане